

П. П. Мироносицкій.

Т 83
727

С. А. РАЧИНСКІЙ

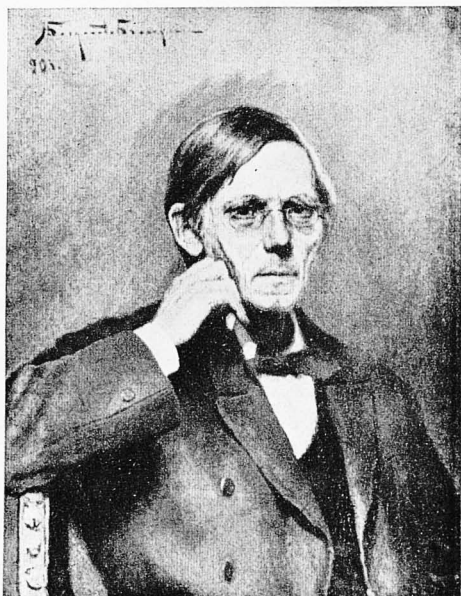
и

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Сергѣй Александровичъ
РАЧИНСКІЙ.

(Род. 2 мая 1833 г., † 2 мая 1902 г.).

П. П. Мироносицкий.

83
| 727

377.5

С. А. РАЧИНСКИЙ

и

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА.

—•••••—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Синодальная типография.
1910.

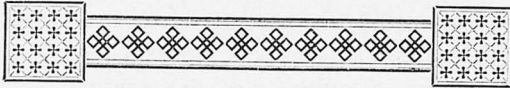

сп-74962-40

2010516632

С. А. РАЧИНСКІЙ

И ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА *).

Безпристрастный изслѣдователь, который взялъ бы на себя неблагодарную задачу проанализировать то положеніе, въ какомъ находится теперь вопросъ о народномъ образованіи, не могъ бы не признать, что здѣсь много неяснаго, противорѣчиваго и подчасъ тревожнаго... Правда, мы видимъ нѣкій залогъ отрадный въ томъ, что и у правительства, и въ законодательныхъ сферахъ, и въ обществѣ, и въ печати народное образованіе пользуется въ настоящее время исключительнымъ вниманіемъ, каковое раньше едва-ли когда-нибудь наблюдалось. Но лишь только мы коснемся

*) Рѣчь, сказанная въ присутствіи членовъ Чрезвычайнаго Собранія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, и другихъ лицъ, 6 мая 1910 г.

тѣхъ рѣшеній, къ которымъ приходятъ въ этомъ вопросѣ—теорія и практика, законодательство и исполненіе, интеллигенція и самъ народъ,—то увидимъ, что здѣсь не только отсутствуетъ единодушіе, но напротивъ — царствуетъ разладъ: рѣшенія зачастую произносятся наугадъ и исполняются ощупью, расчеты не оправдываются, и жизнь никакъ не хочетъ взлетѣть на тѣхъ крыльяхъ, которыя построены по безукоризненнымъ, казалось бы, теоретическимъ чертежамъ.

Надо ли приводить много примѣровъ?

По теоретическимъ заявленіямъ, то и дѣло раздающимъ въ нашей печати, выходитъ, что народъ нашъ *рвется* къ просвѣщенію и къ школѣ, что онъ *требуетъ* знаній, что онъ давно *созрѣлъ* для самыхъ смѣлыхъ полетовъ, и напрасно сдерживаетъ его правительственная осторожность.

А если мы послушаемъ наблюдателей самой народной жизни и посмотримъ побольше видовъ, снятыхъ съ натуры, то услышимъ болѣе сдержанныя рѣчи и увидимъ болѣе скромныя картины.

Одни изъ этихъ живыхъ наблюдателей скажутъ намъ, пожалуй, что въ народѣ *пробуждается* жажда просвѣщенія. Но другіе приведутъ множество фактовъ въ доказательство того, какъ часто приходится

будить эту жажду, и какъ рѣдко приходится встрѣчаться въ народѣ съ пробужденнымъ вниманіемъ къ школьному дѣлу. Намъ приведутъ тьму случаевъ, показывающихъ, что благо просвѣщенія цѣнится крестьяниномъ иногда ниже стоимости пары лаптей и онучь;—расскажутъ, какъ весной, уже въ началѣ апрѣля начинаютъ «таять» наши школы, безъ различія типовъ и наименованій, и школьники, повинаясь распоряженію родителей и инстинкту свободы, одинъ за другимъ перебираются изъ пыльнаго класса на лоно природы, отъ скучныхъ географическихъ правилъ и ариѳметическихъ задачъ въ милое общество ягнятъ, телятъ, гусенятъ и прочей животной дѣтвора, поручаемой весной ихъ педагогическому надзору. Расскажутъ объ учителяхъ и учительницахъ, которые предъ днями годовыхъ экзаменовъ собираютъ по межамъ и пригоркамъ свое разсѣянное стадо. Сошлются на низкій и мало повышающійся процентъ учащихся дѣвочекъ и на классическое народное убѣжденіе, что «дѣвчонкамъ грамота ни къ чему». И только въ видѣ исключенія и, какъ рѣдкость, укажутъ намъ нѣсколько мѣстностей, гдѣ населеніе какъ будто сознательно цѣнитъ заслуги школы и учителя и бережетъ ихъ.

И даже теперь, когда, во имя предполагаемой неутолимой жажды народа къ просвѣщенію, на страну накидывается школьная сѣть, мы слышимъ и о пустующихъ школахъ и о недочетахъ въ школьных комплектахъ. Изъ-за спины вопроса о всеобщей доступности обученія уже выглядываетъ вопросъ о школьной повинности, и можно съ большою вѣроятностью предсказывать, что, закинувъ свою сѣть въ народное море, наши ловцы просвѣщенія, прежде чѣмъ поймать желанную золотую рыбку всеобщаго обученія, вытянутъ сначала неприятную тину обязательности, т. е. принудительности обученія.

Словомъ, столь часто провозглашаемая нынѣ *борьба* съ невѣжествомъ пока есть не что иное, какъ борьба съ самимъ народомъ за блага, сулимая ему просвѣщеніемъ, съ народомъ, который въ то же время желаютъ представить и созрѣвшимъ, и требующимъ, и рвущимся къ просвѣщенію...

Но нынѣ вокругъ вопроса о народномъ образованіи завязалась и разгарается и другая борьба, и она внушаетъ намъ еще болѣе тревожныя мысли. Это междуособная борьба въ рядахъ самихъ просвѣтителей, въ рядахъ борцовъ съ народнымъ невѣжествомъ. Эту борьбу теперь мягко называютъ организаціей единства въ школь-

номъ управленіи. Но въ сущности—это борьба идей или принциповъ, на которыхъ предполагается созидать великое дѣло народнаго просвѣщенія.

Я уклонюсь отъ подробнаго изложенія фактовъ, характеризующихъ эту борьбу, фактовъ недавняго времени и хорошо извѣстныхъ высокому собранію. Достаточно отмѣтить здѣсь одни общія, хорошо выяснившіяся положенія. Двѣ борющіяся за народную школу стороны заняли въ настоящей моментъ слѣдующія опредѣленные, по моему мнѣнію, позиціи.

Одни утверждаютъ: народная школа *должна быть* церковной.

Другіе требуютъ: церковная школа должна сдѣлаться *министерской*.

Если эти позиціи будутъ долго и упорно удерживаться борцами, то нравственная и культурная бесплодность и безысходность ихъ борьбы можетъ считаться обеспеченной, потому что нельзя же не видѣть, что полемика происходитъ въ двухъ, говоря по-современному, разныхъ плоскостяхъ.

Защитники первой позиціи разомъ выставляютъ съ полною опредѣлительностію и руководящій принципъ и образъ дѣйствованія: всякая народная школа, кѣмъ бы она ни содержалась, кѣмъ бы ни

управлялась, должна быть *церковной* по своему духу: не-церковная школа не народна. Въ виду этого принципа, Церковь,—и въ силу своего призванія выше и въ силу своей исторически доказанной правоспособности, могла бы, какъ это показываютъ примѣры нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, взять на себя управление и руководство всякими и всѣми народными школами. Тѣмъ болѣе она никому не можетъ передать управления и руководства *своими*, ею учрежденными для народа школами.)

Въ защитѣ второй позиціи дѣло обстоитъ, къ сожалѣнію, не столь ясно и открыто. Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что здѣсь—лагерь *союзниковъ*, имѣющихъ въ виду одну побѣду, но разныя послѣдствія этой побѣды. Одни изъ нихъ, повидимому, искренно убѣждены, что школьный дуализмъ есть зло и что вѣдомству, искони именующему себя «учебнымъ начальствомъ», больно видѣть другую школу, внѣ лучей его вниманія. Быть можетъ, они искренно вѣрятъ въ благо централизаціи, по образу французскому, и сознательно хотятъ замѣнить добрыя русскія оглобли однимъ заграничнымъ дышломъ.

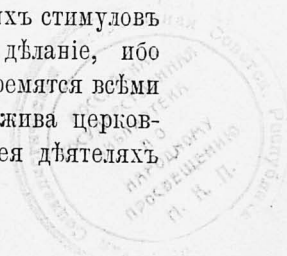
Но для ихъ союзниковъ «учебное начальство», несомнѣнно, служить только за-

слономъ для болѣе лукавой, подземной сапы. Ненавидя Церковь и церковность, они, однако, не уважаютъ и учебнаго начальства. Освобожденіе отъ Церкви въ ихъ планѣ стоитъ лишь на первомъ мѣстѣ. И когда при помощи своихъ союзниковъ они достигнуть этого, тогда союзники превратятся во враговъ, и начнется новая, роковая борьба, за послѣдствія которой расплачиваться будетъ тотъ же народъ, — его грядущія поколѣнія.

3859 — Таковъ современный моментъ въ исторіи нашей бѣдной начальной школы. Онъ смутенъ и не открываетъ свѣтлыхъ и далекихъ перспективъ. Диссонансъ возбужденъ и звучитъ томительно. И нѣтъ ему разрѣшенія...

И вся острота его, вся гнетущая его томительность досталась на долю дѣятелей церковной школы. Ибо они оказываются въ положеніи осажденныхъ и обреченныхъ. Ихъ дѣло не только не признается, но и всячески унижается въ печати и въ рѣчахъ раздающихся во всю землю...

Въ такія гнетущія минуты душа ищетъ нравственной опоры и высокихъ стимуловъ для новаго подъема на свое дѣланіе, ибо враги и ихъ приспѣшники стремятся всѣми силами потрясти то, чѣмъ жива церковная школа, поколебать въ ея дѣятеляхъ

вѣру въ святость того, что они дѣлаютъ для своей Родины.

Къ счастью намъ дана такая нравственная опора,—намъ, дѣтелямъ церковной школы.

Это — имя Рачинскаго. Это — свѣтлый образъ педагога, озарившаго своею личностью и литературными трудами всеъ дороги, всеъ мелкія тропинки, которыми наша школа углублялась въ толщу и глубь народной жизни, внося въ нее свой тихій свѣтъ.

Рачинскій это—имя мірового значенія. Когда западно-европейская педагогическая мысль займется изученіемъ его принциповъ (а начало этому уже положено въ Англии), она, быть можетъ, о немъ первымъ скажетъ, что онъ былъ не педагогъ-переводчикъ западныхъ идеаловъ на русскую почву, а творецъ самобытныхъ русскихъ идеаловъ просвѣщенія.

Но школа Рачинскаго—церковная школа. Но идеалы Рачинскаго — православные идеалы. И въ этомъ душа каждаго церковно-школьнаго дѣятеля почерпаетъ себѣ отраду и удовлетвореніе.

Въ настоящемъ краткомъ сообщеніи я не ставлю своею задачею представить полную характеристику педагогическихъ взглядовъ Рачинскаго, да это пока и невоз-

можно въ виду того, что главный источникъ для изученія его дѣятельности, его многочисленныя письма, этотъ, какъ онъ говоритъ, «обозъ къ потомству», остаются еще не опубликованными и даже несобранными.

Я позволилъ бы себѣ болѣе или менѣе сжато отмѣтить лишь главныя, важныя для насъ именно въ переживаемый церковною школою моментъ, стороны его значенія для нашего дѣла.

И вотъ въ какомъ видѣ формулировалъ бы я одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ его подвига на пользу церковной школы.

Рачинскій своею личностью, своею дѣятельностію и своими литературными твореніями представилъ удивительный примѣръ гармоническаго синтеза между высоко-развитою научною мыслию и религіозно-церковнымъ сознаніемъ и ввелъ идею церковной школы въ содержаніе самаго высокаго міросозерцанія, до котораго только поднималась русская философская мысль. Тѣмъ самымъ онъ разъ-на-всегда парализовалъ узкое предубѣжденіе, будто религіозность несовмѣстима съ наукой и прогрессомъ и будто церковность въ народной школѣ есть показатель ея отсталости или затаенныхъ ретроградныхъ замысловъ ея насадителей и глашатаевъ.

Посмотримъ же сначала, какого умственнаго кругозора былъ этотъ нашъ педагогъ, этотъ нашъ учитель церковной школы.

20-ти лѣтъ отъ роду, въ 1853 году, онъ уже былъ кандидатомъ естественныхъ наукъ Московскаго университета, а вскорѣ выдержалъ и магистерскій экзаменъ. Годы 1856—58 онъ провелъ за границей, готовясь къ профессорской дѣятельности. Его специальностью была ботаника. Но одни сухія занятія не удовлетворяли его. Превосходно владѣя нѣмецкимъ языкомъ, онъ сдѣлался желаннымъ членомъ лучшаго интеллигентнаго общества городовъ Веймара, Йены, Берлина. Онъ былъ не только популярнымъ коллегой среди веселыхъ нѣмецкихъ студентовъ, которые охотно распѣвали сочиняемыя имъ студенческія пѣсни, но близко сошелся со многими выдающимися людьми того времени: наприимѣръ, съ великимъ піанистомъ и композиторомъ Листомъ, который даже сочинилъ музыку на сочиненный Рачинскимъ на нѣмецкомъ языкѣ гимнъ въ честь Франциска Ассизскаго; съ Йенскимъ профессоромъ Куно Фишеромъ, который уговаривалъ его посвятить себя философіи; съ извѣстнымъ ученымъ—ботаникомъ Шлейденомъ, который письмо Рачинскаго объ отношеніи искусства къ природѣ напечаталъ въ видѣ предид-

словія къ своему классическому труду «Die Pflanze».

Но, живя въ Германіи, Рачинскій не забывалъ Родины. Памятникомъ его любви къ ней остался его переводъ на нѣмецкій языкъ «Семейной Хроники» Аксакова. Переводъ этотъ былъ въ 1858 году напечатанъ въ Лейпцигѣ.

Въ 1858 году послѣ защиты магистерской диссертациі «*О движеніи высшихъ растений*» С. А. получилъ каѳедру физиологіи растений въ родномъ Московскомъ университетѣ.

Въ 1866 году онъ защитилъ и докторскую диссертацию «*О нѣкоторыхъ химическихъ превращеніяхъ растительныхъ тканей*» и сдѣлался ординарнымъ профессоромъ университета.

Въ Москвѣ, съ первыхъ же шаговъ своей университетской жизни, Рачинскій сблизился со славянофилами и со всѣми лучшими представителями Московскаго общества того времени. Съ особою ласкою относился къ нему Хомяковъ. Рачинскій по матери былъ роднымъ племянникомъ поэта Баратынскаго, извѣстнаго друга Пушкина. Хомяковъ, дорожившій Пушкинскими воспоминаніями, уже по одному этому приблизилъ къ себѣ молодого Рачинскаго, не говоря уже о томъ, что онъ долженъ

былъ цѣнить его талантливость, образованность и развитой художественный вкусъ.

Особенно же близокъ былъ Рачинскій съ домомъ Сушковыхъ, у которыхъ тогда собирався избранный кругъ: попасть въ него, по отзывамъ старожиловъ, значило получить дипломъ на выдающіяся достоинства умственные, нравственные и, вообще, духовныя.

Наконецъ, у самого Рачинскаго въ его Московскихъ квартирахъ собиравлось многочисленное общество ученыхъ, литераторовъ, гр. Л. Толстой—однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей этихъ собраній.

Словомъ, жизнь молодого профессора была полна научныхъ, литературныхъ и художественныхъ интересовъ.

И вотъ этотъ аристократъ духа, идеалистъ съ глубокими научными познаніями, съ философскимъ складомъ мысли, съ тонко развитымъ художественнымъ чувствомъ, оставляетъ университетъ и столицу и, поселившись въ родномъ своемъ Татевѣ, гдѣ родился и провелъ первыя 11 лѣтъ своей жизни, становится сельскимъ учителемъ.

Для насъ весьма важно здѣсь отмѣтить, что этотъ внѣшній переломъ въ его жизни не предварялся какимъ-нибудь нравственнымъ переворотомъ или душевнымъ потрясеніемъ, не сопровождался отреченіемъ отъ

прежнихъ убѣжденій, отрицаніемъ цивилизаціи, наукъ и искусства, какъ это мы видимъ въ примѣрѣ другихъ интеллигентныхъ отшельниковъ отъ города. Нѣтъ. Гармонія души его осталась по-прежнему цѣлостной.

Но теперь, когда онъ ближе припалъ къ груди родной земли, припалъ къ ней чуткимъ ухомъ,—какъ учитель, приблизился вплоть къ міросозерцанію народа, ища въ своей многогранной душѣ связующихъ съ нимъ нитей, — изъ глубокихъ тайниковъ души поднялось въ немъ съ дѣтскихъ лѣтъ взлелѣянное религіозное чувство и овладѣло самымъ горниломъ его сознанія.

Несомнѣнно, основы религіозности заложены были въ немъ еще въ годы ранняго дѣтства. Къ сожалѣнію, о годахъ его воспитанія въ родной семьѣ мы пока не имѣемъ свѣдѣній. Только г. Горбовъ, ученикъ и постоянный корреспондентъ его, со словъ самого С. А., передаетъ рассказъ о свѣтломъ религіозномъ впечатлѣніи, которое онъ пережилъ весною 1848 г., когда, 15-ти лѣтъ отъ роду, переѣхалъ съ родными въ Москву. Въ Троицынъ день зашелъ онъ въ церковь Успенія Божіей Матери на Покровкѣ. Высокій, прекрасный храмъ, ярко освѣщенный солнцемъ, весь украшенный березками, цвѣтами, травой, остался въ

его памяти, какъ свѣтлое и счастливое впечатлѣніе отъ Москвы, и онъ въ старости еще вспоминалъ объ этомъ утрѣ.

«За 20 лѣтъ нашей постоянной никогда не прерывавшейся близости,—пишетъ тотъ же Горбовъ,—я многократно видалъ, какъ самыя интимныя и частныя подробности его мысли, его обиходной жизни опредѣлялись его церковными убѣжденіями. И онъ постоянно любилъ вспоминать свои бесѣды по религіознымъ вопросамъ съ своимъ, не менѣе его вѣровавшимъ, другомъ С. М. Соловьевымъ».

Какъ естествоиспытатель-философъ, онъ горячо любилъ природу. Когда онъ сдѣлался учителемъ, его школа была увита виноградомъ, цвѣты окружали ее. Школьному цвѣтоводству посвящена имъ прекрасная статья, убѣждающая учителей разводить цвѣты вокругъ школъ и на школьныхъ окнахъ и тѣмъ воспитывать въ учащихся любовь къ природѣ, къ пониманію красотъ ея,—ибо это «одинъ изъ лучшихъ плодовъ истиннаго образованія».

Но всюду въ природѣ онъ искалъ духовнаго содержанія, за ея красотой онъ видѣлъ Бога и къ Нему направлялъ взоры своихъ учениковъ, возбуждая въ нихъ любовь къ природѣ. Такъ, начиная упомянутую статью

о школьномъ цвѣтоводствѣ и отмѣтивъ однообразный видъ сѣренскихъ избъ, составляющихъ наши захолустныя деревни, онъ говоритъ: «Радуюсь, когда при иной постройкѣ усмотришь нѣсколько яблонь и вишень, старую уцѣлѣвшую липу. Еще болѣе радуюсь, когда предъ домикомъ увидишь скромный полисадничекъ, съ двумя-тремя георгинами, съ двумя-тремя кустиками сирени или дикаго жасмина, когда изъ оконъ выглядываютъ яркіе цвѣточки... Съ отрадою подумаешь, что тутъ живутъ люди, коимъ добываніе хлѣба насущнаго оставляетъ минуты досуга и кои не о *хлѣбъ единомъ* живутъ».

И далѣе прибавляетъ: «Датскій ботаникъ Скоунъ говоритъ, что гдѣ на окнахъ красуются цвѣты,—въ домѣ непременно найдется и полочка съ книгами. Примѣта эта приложима,—говоритъ Рачинскій,—и къ нашей глуши. Если не полочка съ книгами, то въ домикѣ, радующемъ нашъ взоръ цвѣтами на окнахъ, непременно найдется на столикѣ предъ божницею Псалтирь, Новый Завѣтъ, два-три акаѳиста, а по разнымъ угламъ—разныя другія книжицы, пріобрѣтенныя болѣе или менѣе случайно».

Въ классическомъ описаніи школьнаго похода, который онъ совершилъ съ учениками Татевской школы въ Нилову пустынь,

изобразивъ тонкими штрихами красоту лѣтней сѣверной ночи, онъ восклицаетъ: «Есть что-то торжественное, что-то призывное въ этомъ непрерывномъ бдѣннн, въ этомъ могучемъ напряженнн всѣхъ силъ природы: это время безсонныхъ ночей, время широкихъ замысловъ, время порывовъ духа къ высшему свѣту»...

И, вспомнивъ по этому поводу объ известной молитвѣ—«Благословенъ еси, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день свѣтомъ солнечнымъ, и ночь уяснивый зарями огненными»..., онъ говоритъ: «Словно не подъ небомъ юга, съ глубокимъ мракомъ его ночей, написана эта молитва Василия Великаго, а въ серединѣ сѣвернаго лѣта, когда и днемъ, и ночью насъ будить и нудить сбиліе свѣта и разлитая повсюду ненаглядная красота, и невольно просятся на уста слова другого великаго поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen:
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt.—
Auf! Bade, Schüler, unverdrossen
Die ird'sche Brust in Morgenroth! ¹⁾
(Goete. Faust).

¹⁾ Духовный міръ не сокровень:
Тв о ѱ замкнуть духъ,
Ты сердцемъ глухъ.
Возстанъ же! Бодръ и вдохновенъ
Душою будь!
И озари въ небесномъ свѣтѣ
Земную грудь!

П. М.

Одинъ изъ такихъ порывовъ къ *внч-ному и горнему*, или, по любимому имъ нѣмецкому выраженію изъ поэта, *zu ewigen und ernstestn Dingen*, вылился однажды у него въ слѣдующемъ вдохновенномъ гимнѣ-экспромтѣ, который записанъ имъ для Н. М. Горбова:

Хвала Тебѣ! Твое названье
Не смѣю я произносить.—
Но до послѣдняго дыханья
Дерзаю я Тебя хвалить.

Хвала Тебѣ за неба своды,
За солнце, небо и луну,
За горы, лѣсъ, поля и воды,
За утро, юность и весну.

Хвала за каждое мгновенье
И мукъ и радостей земныхъ,
Хвала за смерть—и воскресенье
Въ Твоихъ обителяхъ святыхъ.

Для характеристики религіозности Рачинскаго стоитъ здѣсь упомянуть о томъ знаменательномъ для его міросозерпанія фактѣ, что онъ былъ первымъ переводчикомъ извѣстнаго сочиненія Дарвина «О происхожденіи видовъ». «Можетъ показаться удивительнымъ, говоритъ г. Горбовъ, что именно Рачинскій познакомилъ русское общество съ этой книгой. Но не слѣдуетъ забывать, что самъ Дарвинъ былъ чело-вѣкъ безусловно вѣрующій, и Рачинскій точно такъ же не видѣлъ логической связи

между теоріей происхожденія видовъ и тѣми крайностями, которыя покрываются терминомъ дарвинизма. Уже занимаясь въ Татевѣ, онъ написалъ предисловіе къ возможному 2-му изданію своего перевода, гдѣ онъ ссылками на Василія Великаго утверждалъ свою религіозную точку зрѣнія и находилъ путь соглашенія съ теоріей Дарвина». «Истины вѣры,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Н. Горбову,—не противорѣчатъ нашему разуму, а только превышаютъ его; и въ самой этой разумности и трансцендентальности ихъ убождаютъ насъ, лишь углубленные и расширенные, то же наблюденіе и тотъ же опытъ, которые въ приложеніи одностороннемъ и узкомъ послужили основаніемъ узкихъ современныхъ теорій о мірѣ и человѣкѣ».

Въ исторіи русской культурной мысли мы едва ли найдемъ другой примѣръ такой гармоничности и цѣльности міросозерцанія, какую мы видимъ въ міросозерцаніи Рачинскаго. И развѣ не рука самого Провидѣнія привела въ ряды защитниковъ церковности въ народной школѣ этого ученаго и философа, который былъ не какимъ-нибудь диллетантомъ въ области точной науки, но вождемъ другихъ въ ней, въ развитіи котораго наука была не временнымъ увлеченіемъ, а естественнымъ элементомъ,

гармонически слившимся со все́мъ остальнымъ содержаніемъ его душевнаго міра.

Его широкое, европейское образованіе, его предыдущая ученая дѣятельность въ области положительныхъ наукъ — могли бы, кажется, наталкивать всякаго на мысль, что онъ-то въ качествѣ сельскаго учителя и явится глашатаемъ принципа: «Знаній и только знаній!», которымъ и теперь еще увлекаются у насъ многіе.

Но изученіе запросовъ народнаго духа, но честность мысли—сдѣлали то, что профессоръ естествовѣдѣнія сталъ апостоломъ *церковности*. Церковность сдѣлалась отсель его стихіею.

Уже самое рѣшеніе отдать себя на служеніе непросвѣщеннаго народа въ его умѣ и чувствѣ обосновалось на религіозномъ мотивѣ, который своею оригинальною постановкою способенъ заинтересовать всякаго педагога съ развитымъ вниманіемъ къ вопросамъ богословскаго мышленія. Вотъ этотъ любопытный мотивъ, изложенный имъ въ одномъ изъ писемъ къ Н. М. Горбову:

«Церковь наша учитъ, что крещеніе совершается надъ младенцами по вѣрѣ воспріемниковъ и родителей... Подъ вѣрою мы отнюдь не въ правѣ разумѣть тутъ временное возношеніе души къ Богу въ моментъ совершенія таинства, а должны ра-

зумѣть постоянный душевный строй, руководящій жизнью родителей и воспріемниковъ,... ибо лишь такая вѣра заключаетъ въ себѣ ручательство за сознательное воспріятіе младенцемъ, по пришествіи его въ возрастъ, благодати крещенія, за сознательное рожденіе его Духомъ.—Но съ осложненіемъ челоуѣческихъ отношеній, все бѣльшая доля обязанностей воспріемниковъ и родителей переносится на воспитателей и учителей всякаго рода. Нельзя не возлагать на нихъ и доли отвѣтственности, принятой на себя указанными церковнымъ ученіемъ лицами. Не сомнѣваюсь, что могутъ быть найдены разъясненія въ этомъ смыслѣ въ источникахъ авторитетныхъ... Но не умаляется ли этимъ разсужденіемъ значеніе самого таинства, совершаемаго іереемъ въ опредѣленный день и часъ, нераздѣльнаго, не повторяемаго? Нисколько. Въ совершеніи всякаго таинства, невидимо, но дѣйствительно участвуетъ вся Церковь, и это участіе не связано ни временемъ, ни мѣстомъ... По этому самому благодатная сила таинства крещенія значительно затмевается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ неисполненіемъ родителями, воспріемниками и вѣтниками принятыхъ ими на себя обязательствъ. Ребенокъ растетъ въ незнаніи доброй вѣсти, въ дремотѣ духовной. Мы

видимъ въ немъ лишь отраженіе дурныхъ примѣровъ житейскихъ, въ немъ разрастаются лишь сѣмена наслѣдственныхъ пороковъ... Но въ правѣ ли мы поэтому сомнѣваться въ дѣйственности таинства, совершеннаго надъ этимъ порочнымъ ребенкомъ, сомнѣваться въ томъ, что эта сила проявится, какъ скоро будутъ исполнены условія, налагаемыя Церковью на участниковъ въ таинствѣ?»

Въ другомъ мѣстѣ Рачинскій говоритъ: русскій «народъ крещень, но еще не оглашень». Учитель, въ его глазахъ, помимо всякихъ возлагаемыхъ на него профессиональныхъ обязанностей, какъ членъ Церкви, является прежде всего катехизаторомъ, огласителемъ приводимыхъ къ нему дѣтей, ихъ восприемникомъ и руководителемъ для царствія Божія.

«Учительство въ русской сельской школѣ,—говоритъ онъ,—не есть ремесло, но призваніе, низшая степень того призванія, которое необходимо, чтобъ сдѣлаться священникомъ».

Эпиграфомъ къ своимъ «Замѣткамъ о сельскихъ школахъ» онъ ставитъ слова: *«Камень, его же не въ ряду сотвориша зиждущии, сей бысть во главу угла».*

Этимъ камнемъ и единственнымъ камнемъ, на которомъ можетъ быть обоснована

народная школа, онъ считаетъ православную вѣру и церковность.

«Для дѣла народнаго образованія,—говорить онъ,—какъ для всякаго творческаго дѣла нужна воля, нужна вѣра хоть съ зерно горушечно,—въ данномъ случаѣ вѣра въ несокрушимость Церкви, какъ вѣчнаго союза и мірянъ и духовенства, какъ живого тѣла, съ Главою Небеснымъ,—твердая воля осуществить этотъ союзъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни духовной».

Отсюда самъ собою вытекалъ у него простой и ясный выводъ: необходимъ союзъ школы съ Церковію, школа безъ Церкви не народна.

Формулируя основаніе своей народно-школьной педагогики, онъ говоритъ: «задача школы типа шестидесятыхъ годовъ,—«сдѣлать изъ ребенка человѣка»—абсолютно непонятна родителямъ нашихъ школьных ребятъ; они основательно полагаютъ, что дитя сдѣлается «человѣкомъ» и не издавши азбуки; стремленіе же школы сдѣлать изъ дѣтей добрыхъ христіанъ—это всякому понятно и всякому любезно». И потому наша школа «должна быть не только школой ариѳметики и элементарной грамматики, но, первѣе всего,—школой христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школой христіанской жизни подъ руководствомъ пастырей Церкви».

Нельзя не видѣть, что въ этомъ основномъ своемъ тезисѣ, раскрытію котораго посвящено много страницъ его книги «Сельская Школа» и, въ частности, цѣлый исчерпывающій трактатъ подъ заглавіемъ «Церковная школа», Рачинскій близко примыкаетъ къ міровоззрѣнію такихъ самобытныхъ русскихъ мыслителей, какъ Хомяковъ, Аксаковы, Достоевскій. Вопросовъ школы эти мыслители, правда, не рѣшали. Но данное ими толкованіе народнаго духа было, несомнѣнно, предразсвѣтною зарею для того педагогическаго, школьнаго идеала, который впервые выведенъ Рачинскимъ надъ горизонтомъ русской педагогической мысли.

Не могу здѣсь удержаться, чтобы не привести нѣсколькихъ строкъ изъ Достоевскаго, въ которыхъ онъ опредѣлительно касается вопроса о воспитаніи народномъ.

«Русскій народъ — народъ вѣры, — говоритъ онъ, — и вѣрою живетъ.. Чему мы, интеллигенція, могли бы научить народъ? Прежде всего, конечно, тому, что ученіе полезно и что надо учиться. Такъ ли? Народъ еще прежде нашего сказалъ: ученье свѣтъ, неученье тьма».

Раскрывая частнѣе мысль о томъ просвѣтительномъ значеніи, какое имѣла въ народной жизни православная вѣра и Церковь, Достоевскій пишетъ:

«Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученія Христа не знаетъ, и проповѣдей ему не говорятъ,—но это возраженіе пустое: все знаетъ, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катехизиса. Научился же въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей. Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ,—въ Батыево нашествіе еще, можетъ быть, пѣлъ: *«Господи силъ, съ нами буди»*, и тогда-то,—можетъ быть, и заучилъ этотъ гимнъ, потому что кромѣ Христа у него тогда ничего не оставалось, а въ немъ, въ этомъ гимнѣ, уже въ одномъ вся правда Христова. И чтò въ томъ, что народу мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочатъ неразборчиво... За то выйдетъ іерей и прочтетъ: *«Господи и Владыко живота моего»*,—а въ этой-то молитвѣ *вся суть христіанства*, весь его катехизисъ, и народъ знаетъ эту молитву наизусть. Знаетъ тоже онъ наизусть многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная же школа христіанства, которую прошелъ онъ,—это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный

всѣми, поправный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ-утѣшителемъ, Котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и Который за то спасъ отъ отчаянія его душу».

Значеніе православнаго богослуженія для воспитанія народной души, намѣченное Достоевскимъ въ вышеприведенныхъ строкахъ лишь легкимъ штрихомъ и какъ бы мимоходомъ, въ педагогическомъ возрѣніи и въ практической дѣятельности Рачинскаго было установлено, провѣрено и почувствовано съ полнотою и изложено въ его писаніяхъ съ убѣдительною и одушевленіемъ, не оставляющими сомнѣнія въ томъ, что этотъ камень, большею частію, небрегомый нашею образовательною школою, онъ полталъ во главу религіознаго, нравственнаго и эстетическаго воспитанія народа. Въ его «Сельской Школѣ» мы найдемъ безпримѣрныя главы, посвященныя описанію красотъ и содержательности богослужебныхъ пѣсней, здѣсь мы найдемъ убѣдительныя страницы объ открытомъ имъ «педагогическомъ кладѣ» — церковно-славянскомъ языкѣ: здѣсь мы встрѣтимъ полный восторга и вѣры гимнъ въ похвалу «Псалтири». Но, читая эти восторженные страницы, вы видите предъ собою не пресыщеннаго эстета, который на

склонѣ лѣтъ, оригинальничая, сталъ искать красоту тамъ, гдѣ ее никто не ищетъ... Нѣтъ, въ его словахъ вы слышите постоянно отголоски народной души,—какъ *она* переживала, какъ *она* чувствуетъ ту красоту, отъ которой интеллигенція давно ушла на страну далече.

«Случалось ли вамъ,—говорить онъ, на примѣръ, о Псалтири, — при вынужденной ночевкѣ въ крестьянской избѣ, осмотрѣвъ отъ скуки всю скудную ея обстановку, раскрыть ту единственную книгу, въ почернѣвшемъ отъ времени переплетѣ, которая лежитъ подъ полкой съ образами? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, эта книга — Псалтирь. Запятнаны ея страницы, обтерты ихъ углы. Но не одна грязь мозолистыхъ рукъ оставила эти пятна. Тутъ есть капли воска, есть капли слезъ, медленно падавшія на эти страницы во время долгихъ ночныхъ чтеній по дорогимъ покойникамъ. Не разсѣянною небрежностью истрепаны эти углы, но благоговѣйнымъ переворачиваніемъ этихъ страницъ, быть можетъ, многими поколѣніями. И при всякомъ чтеніи, для чтеца, по мѣрѣ его умственного и нравственного роста, яркимъ пламенемъ вспыхивалъ внутренній смыслъ того или другого реченія, до тѣхъ поръ для него непонятнаго; и съ каждымъ чте-

ніемъ все дороже и дороже становилась ему старая книга, лежащая подъ образами»...

Нерѣдко Рачинскій обращался къ интеллигенціи съ призывнымъ словомъ—приблизиться къ народу и тамъ искать правду жизни, хранимую Церковію. Онъ спрашивалъ, напримѣръ: «тотъ поворотъ къ дѣятельности пастырской, къ учительству духовному и школьному, тотъ поворотъ, которому пошло на встрѣчу обновленіе школы церковной, не заглохнетъ ли онъ безслѣдно въ силу отчужденія отъ Церкви необходимаго ей элемента мірскаго?» И отвѣчалъ: «Это зависитъ отъ насъ».

Доказывая, что надзоръ за школами, истинное руководство ими «посильно только органамъ Церкви, только духовенству», онъ прибавляетъ къ этому: «сплотить его ряды, поднять его нравственный уровень—должно быть заботой не одного только духовнаго вѣдомства, но всякаго, кому близки интересы духовные, и всѣ люди достатка матеріальнаго и мысленнаго обязаны поддерживать благое вѣяніе, поднявшееся на лонѣ нашей Церкви, въ связи съ размноженіемъ школъ».

Мы знаемъ, что самъ онъ весь свой матеріальный и мысленный достатокъ безраздѣльно отдалъ на дѣло народной школы. Проходя теперь мимо этой черты его свѣт-

лаго образа, невольно проникаешься благоговѣніемъ, какъ предъ святынею, предъ тою Евангельскою простотою, съ какою онъ расточалъ на благо малыхъ сихъ свои духовныя дарованія и матеріальныя средства.

Чтобы оцѣнить эту черту его образа въ педагогическомъ отношеніи, мы должны вспомнить, что въ своихъ сочиненіяхъ, вырисовывая типъ истинно-народной школы, онъ доходилъ до такого идеала христіанской школы, до котораго не возвышался еще ни одинъ изъ міровыхъ педагоговъ. И осуществленіе этого идеала онъ уже примѣтилъ въ бѣдной сельской школѣ.

«Наша бѣдная школа,—пишетъ онъ въ одной изъ своихъ статей,—при всѣхъ ея несовершенствахъ, при всей ея жалкой заброшенности, обладаетъ однимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Она—школа христіанская, христіанская потому, что учащіеся ищутъ въ ней Христа,—потому что учащіе только *Христа ради* могутъ поднять тѣ труды, при коихъ возможенъ какой-либо успѣхъ».

Ради Христа трудился среди сѣрыхъ деревенскихъ ребятокъ и Рачинскій, ради Христа онъ отдалъ на просвѣщеніе ихъ всѣ свои достатки. И это дѣлалось безъ шума, безъ огласки: здѣсь шуйца дѣйствительно не вступалась въ движенія десницы.

Самоотверженіе для него не было красивымъ поведеніемъ, вызывающимъ похвалы: оно, какъ у истинныхъ праведниковъ, возвышалось у него до степени подвига.

Въ отвѣтъ на приглашеніе одного изъ знакомыхъ—пріѣхать въ Гапсаль купаться въ морѣ—Сергѣй Ал. пишетъ:

«Вамъ очень хорошо извѣстно, что у меня нѣтъ свободнаго дня, ни лишней копейки: на школьное дѣло я трачу болѣе, чѣмъ свои доходы, слѣдовательно подвергаю опасности будущность устроенныхъ мною школъ, и тратить что-либо на себя было бы просто преступленіемъ. Лѣтомъ у меня на рукахъ пять школьныхъ учителей, двое юношей, готовящихся въ учителя, пять живописцевъ, одинъ семинаристъ, одинъ ученикъ духовнаго училища и т. д.—всего до 20 человѣкъ. Вы скажете, что всему этому народу Самъ Богъ велѣлъ лѣтомъ отдыхать..., но это не такъ: только постояннымъ трудомъ вырабатываются люди, и въ этомъ трудѣ необходимы руководство и примѣръ. Какія тутъ морскія купанья!»!

Нищета духовная, нищета Евангельская, ради стремленія къ вѣчнымъ и горнимъ сферамъ, сдѣлалась какъ бы девизомъ его жизни. Вотъ почему такъ часто вспыхиваетъ на страницахъ его писаній Евангельское слово: *не о хлѣбѣ единомъ*. Мы видѣли выше,

что цвѣты на окнахъ крестьянской избы шептали ему это слово. Первая глава его превосходнаго трактата о церковной школѣ оканчивается этими же словами. «Нужнѣ всего,—заключаетъ онъ,—для школы постоянное памятованіе словъ Писанія: «не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ». И этимъ же словомъ онъ поучаетъ насъ теперь и изъ-за могилы. Одинъ изъ раннихъ учениковъ его, нынѣ учитель Татевской школы Сѣряковъ,—передаетъ такое трогательное воспоминаніе:

«Разъ, проходя чрезъ кладбище, мы съ С. А. занялись чтеніемъ надписей на памятникахъ. Вдругъ онъ ко мнѣ обращается и говоритъ:

— «А скажи мнѣ, другъ мой, когда я умру, что вы напишете на моемъ могильномъ камнѣ?»

Я былъ въ затрудненіи.

— «*Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ*,—вотъ что напишете вы», сказалъ мнѣ С. А.

Исполнилось ровно восемь лѣтъ, какъ онъ безмолвно почіетъ подъ сѣнію любимаго храма, вблизи своей милой школы. Но его подвигъ, его идеалы не умрутъ, не могутъ умереть. А тѣмъ маловѣрнымъ

изъ насъ, которые усомнились бы въ этомъ, онъ позаботился оставить бодрья, полныя восторженной вѣры въ достоинство чело-вѣка, слова, которыми онъ заключаетъ свой прекрасный трудъ «Школьный походъ въ Нилову пустынь». Вотъ этотъ замѣчательный отрывокъ, являющійся трогательнымъ посмертнымъ утѣшеніемъ осиротѣвшей семьѣ его послѣдователей:

«Велико обаяніе общаго чистаго дѣла, *не умирающаго* со смертію отдѣльныхъ дѣятелей. Велико обаяніе нравственной свободы, достижимой только чрезъ отрече-ніе отъ многаго. Немногимъ посильна дѣя-тельность одинокая. Немногимъ доступны высшія ступени жизни созерцательной. Но люди, мучимые потребностью отдавать себя безъ остатка на служеніе Богу и ближ-нему, всегда были, есть и будутъ. Нѣтъ болѣе полнаго сочетанія этихъ двухъ слу-женій, чѣмъ христіанское учительство, то учительство, которое не полагаетъ своимъ трудамъ ни мѣры, ни конца, которое при-лагаетъ къ милостынѣ духовной дивныя слова Пушкина о милостынѣ вещественной».

И онъ приводитъ затѣмъ замѣчательные, но менѣе другихъ популярныя стихи Пуш-кина, столь приложимыя къ челоуколюби-вому подвигу учительства,—звучащія для однихъ изъ насъ укоромъ, для другихъ—

ободреніемъ, и для всѣхъ благимъ завѣ-
томъ. Вотъ эти стихи:

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сынъ своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О, сѣятель благополучный,
Сторицею воздасть она твоимъ трудамъ.
Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань,—
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня мостъ дождь обильный,
Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

Я долженъ бы былъ теперь перейти къ
выясненію другой стороны значенія Ра-
чинскаго для дѣла церковной школы и
раскрыть второе важное положеніе, а имен-
но: Рачинскій былъ не только педагогиче-
скимъ писателемъ-теоретикомъ, но и педа-
гогомъ - творцомъ живого школьно-воспи-
тательнаго дѣла; онъ оставилъ послѣ себя
не только мысли и сочиненія, но и жи-
выхъ учениковъ, воспринявшихъ его за-
вѣты, школу послѣдователей, продолжаю-
щихъ его дѣло. Онъ далъ намъ не только
начала и принципы народнаго воспитанія,
но и живые педагогическіе *факты*.

Для нашей педагогіи значеніе его, въ
этомъ отношеніи, неизмѣримо велико. Онъ

одинъ изъ всѣхъ нашихъ педагогическихъ писателей далъ намъ въ своемъ лицѣ воплощеніе типа народнаго сельскаго учителя и, такимъ образомъ, первый явился живымъ представителемъ учительства. Несомнѣнно, придетъ время, когда имя его будетъ для нашего учительства такою же путеводною звѣздою, такимъ же лозунгомъ, какимъ служитъ для западно-европейскихъ учителей имя Песталоцци и для всего міра педагоговъ имя славянина Ам. Коменскаго.

Давно сказано, что «слова научаютъ, а примѣры увлекаютъ». Въ жизни Рачинскаго учитель на каждый шагъ своей практики найдетъ увлекающій примѣръ.

Но о дѣлахъ его—недостанетъ ми времени повѣстующу... Будемъ ждать, и, можетъ быть, и мы дождемся его біографіи, которая нарисуетъ намъ во всю величину живой образъ нашего народнаго педагога, нашего Песталоцци. Быть можетъ, и мы доживемъ до его славы.

Я позволю только отмѣтить въ заключеніе, что личная и живая школьная дѣятельность Рачинскаго имѣла громадное значеніе въ исторіи законодательнаго созиданія того типа народной школы, который представляетъ теперь школа *церковная*. Стоявшіе поближе къ этой исторіи знаютъ, что въ процессѣ разработки плановъ и правилъ

дѣйствія церковной школы, ея программъ и учебниковъ, Рачинскій былъ, такъ сказать, законодательною инстанціей; они помнятъ, какъ разработанныя предположенія путешествовали изъ столицы въ деревню; и помнятъ ту благотворную дружбу, тотъ союзъ, который заключили между собою петербургскій анализъ съ татевскимъ синтезомъ...

Плодомъ этой дружбы явилась жизненность школы, ея отзывчивость на запросы народа, ея приспособленность къ извивамъ народнаго быта и—что выше всего—ея одухотворенность высокою идеей.

Если бы эта школа была только начертаніемъ на бумагѣ, ее можно было бы зачеркнуть; если бы это была только свѣча, ее могъ бы угасить, кто на это дерзнулъ бы.

Но это—идея.

Напрасный трудъ—покорить идею формѣ, или упразднить благодать закономъ.

Идеи сильнѣе законовъ. Онѣ сильнѣе огня и меча.

